

Дарья Асламова: «Переживаю за дочь»

Наш военкор Дарья Асламова рассказывает, как ее дочь – московский врач-кардиолог – отправилась на передовую линию помогать в борьбе со страшным заболеванием

Пришла с работы. Глаза горят. Вся сияет.

– Почему так рано? – спрашиваю дочь. – Почему рука перевязана?

– Ты, мамулечка, только не бойся. – Очень плохое начало разговора. – Рука перевязана, потому что я кровь сдавала на анализы. Я, в общем, добровольцем решила пойти в больницу для коронавирусных. В нашем кардиоцентре плановые операции практически прекратились, а в больницах нехватка людей. Ну, мы с товарищами решили сами...

– Так вы же в пятницу ходили. Вас не взяли, им кардиологи не нужны.

– Зато у них медсестер не хватает. У меня же диплом медсестры есть.

– Да ты же никогда не работала медсестрой!

– А им в реанимации не важно. Главное, что навыки есть. Они сказали: ребята, здесь, как на фронте. Это прекрасно, что вы врачи. Но на фронте медсестра – главный человек. Мы вас сразу в бой бросим, за неделю обучитесь. Сейчас каждый человек на

счету.

– А почему в реанимацию?! Можно ведь работать медсестрой в отделении. Там меньше опасность.

– Можно. Но я хочу на передовую! Понимаешь? Мы сейчас неделю будем все анализы сдавать, проходить технику безопасности, а со следующего понедельника – в бой!

Я начинаю рыдать без остановки.

– А я думала, ты мной гордиться будешь, – обиженно говорит дочь. – Я так волновалась сегодня, а вдруг меня не возьмут? Главное, чтобы все анализы были хорошие.

– А может, все-таки не возьмут? – с надеждой говорю я.

Дочь мрачнеет.

– Да я быстро обучусь. И не волнуйся, там защитные костюмы, все по правилам.

– А ты видела, какие у медперсонала пролежни на лице?! Ты же так гордишься своим хорошеньким личиком.

– Ничего, пройдет, – отмахивается дочь. Ее глаза блуждают где-то там, далеко. Она мысленно уже в отделении.

– Ты крестик свой возьми, – всхлипываю я.

– Да хочешь, даже иконки возьму. Ну, чего ты плачешь? Разве ты меня спрашиваешь, когда едешь на войну? Я с четырех лет всем отвечала на вопрос: где мама? Мама на войне. Я хочу доказать, что я истинная дочь своей матери.

– Не надо ничего доказывать! У меня своя жизнь, у тебя своя.

Дальше – невозможно.

– Мам, я же с ночной смены. А после – целый день работы. Можно я посплю? У нас целая неделя впереди, чтобы ругаться.

«Мамусик» смотрит на все эти сборы тоскливыми, как у брошенной собаки, глазами. | - А как же Пасха? – растерянно говорю я. – Мы же всегда вместе праздновали. Вас же в понедельник хотели забрать- Люди не хватает. Госпиталь в Измайлово только в начале апреля открыли. Завтра у меня уже первые сутки в

реанимации.

– Как?! – в ужасе спрашиваю я. – Ты же ничего не умеешь!

– Научусь. Я же врач.

Она волочет чемодан к выходу, а я все думаю, что надо сказать какие-то важные слова. А их нет.

– А кто же будет красить яйца на Пасху? – растерянно спрашиваю я.

– О, вот тебе задание, чтоб не скучала. Научись, наконец, красить яйца. Ты у меня уже большая. Пока, мамусик!

Ушла. Позвонила через час. Она взяла пять помад, три тона для лица, но забыла все документы для отдела кадров. Вернулась. И тут я уже зарыдала и сказала все, что полагается:

– Благословляю тебя, дочь моя! На святое дело идешь!

– Да, на борьбу с ковидлом. (Так врачи между собой называют коронавирус.)

А я вдруг вспомнила, как она в седьмом классе решила стать врачом. Жертвой ее медицинской практики стал огромный плюшевый медведь. Каждый день она делала ему уколы. (Вскоре это пригодилось. Я серьезно заболела, а после медведя она отлично научилась делать уколы уже мне.) Бедный плюшевый зверь разбух от воды и закончил свои дни в мусорке. «Первопроходец! – грустно сказала тогда Соня. – Он не зря прожил свою жизнь».

Дарья Асламова